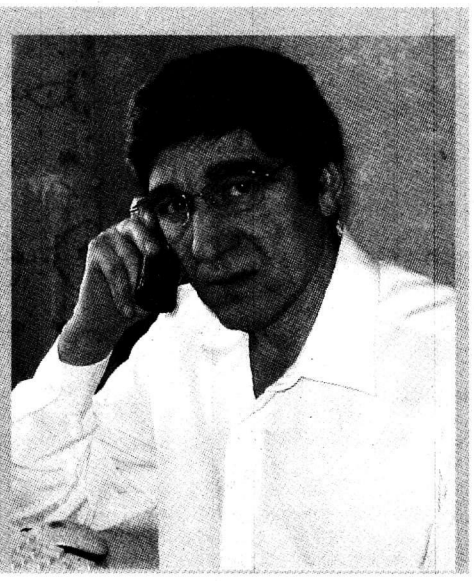
...И боль души уходит навсегда

«Ну не должно останавливаться такое сердце»

Юрий ЩЕКАЛЕВ



Юрию Щекалеву 54 года. Рабочий. Основная профессия – газоэлектросварщик. В настоящее время работает в драмтеатре им. А.С. Пушкина. Печататься в городских газетах начал с 1986 года. Посещал литературное объединение при газете «Магнитогорский рабочий» и литературное объединение «Магнит». В коллективном сборнике «В кругу откровений» напечатан и его рассказ. Скоро выходит первый сборник рассказов Юрия Щекалева.

Стульчик

Склонившиеся над столом люди в белых халатах копошились возле меня. Бравый главшпан в бирюзовом костюме шипел на сестру за непонятные мне ляпы в ее работе. Еще одна сестра с обалденно васильковыми глазами промокала салфеткой мой взмокший лоб, и я таял от благодарности и даже нежности к ней. Пристегнутый, я лежал на столе с закрытыми глазами, но, странно, все видел: и блестящие железки в руках «бирюзового», и марлевые прямоугольники на лицах – все. Только стоп! Как я смог попасть сюда из закрытого изнутри дома? А, это мой верный Жоффрей поднял вой и переполошил соседей.

Как хорошо жить… Этот ворчащий хирург, эта заботливая сестра с васильковыми… Но нет, не обманете. Я – конкретный Стульчик – вам до фонаря. Талантливы, заботливы, но это просто хорошая работа. Просто ваша хорошая работа… Нет, ребята, не буду я вам помогать. Выкручивайтесь сами.

Притопав с работы домой, Стульчик не притронулся к еде, не выпил ни капли из припасенного на праздник спиртного. Не жалея мыла, выстирал брюки и рубашку. Сам мылся в летнем душе, пока не закончилась вода в емкости над головой. Под хрюканье неисправного телевизора Стульчик долго удалял из-под ногтей накопившийся за день «чернозем». Ночью Стульчик почти не спал, он торопил следующий день и, с рассветом, в приподнятом настроении вышел на улицу.

Стульчик бродил по старым районам города, где за каждым забором покачивались под легким ветерком похожие на белые взрывы цветущие яблони и вишни. Стульчик волновался, хотя без обычных кустов щетины на щеках чувствовал себя кумом королю, сватом министру. Он радовался солнечному дню, готов был к обновлению, к новой жизни. Гулял, вдыхал вместе с дымом папирос своеобразный аромат цветущих деревьев и подгнившей высохшей древесины – запах некрашеных заборов. Не один раз проходил Стульчик мимо дома, в окна которого он с надеждой бросал свой стульчиковский взгляд. Понравилась Стульчику женщина, пожалуй, одного с ним возраста. Хохотушка, она красила стены в панельных домах, а дома эти клепал и он, Стульчик, в числе других. В общем, Стульчик пропал, а женщина, поняв это, обхохатывала его, по-доброму обхохатывала, и стреляла в него желтыми глазами.

Не сложилось у Стульчика со своевременной женитьбой. Почему? А кто его знает. Жил он один в родительском доме, в неплохом, между прочим, доме. А сад-огород… Запущено все, но только сдуру да с подлецой в мыслях можно сказать о хозяйстве Стульчика поговоркой «Есть и овощ в огороде – хрен да луковица, есть и медная посуда – крест да пуговица». Много ли нужно ему одному? Благополучие ведь надо начинать строить вдвоем.

Поверил Стульчик желтым глазам и решился. Окончательно отбив подметками ступни, Стульчик постучал в дверь дома, в котором его избранница снимала комнату.

И зачем он выползал из своего бункера? Первый, что ли, этот Первомай в его жизни? Полетели в угол начищенные с вечера полуботинки. В другой угол со звяканьем улетели чашки, ложки, поварешки с обеденного стола. Как в борт корабля влепилась в стену бутылка шампанского.

…С десяток лет назад уверенный в себе Стульчик наблюдал за метаниями знакомого мужика. Бедный мужичонка винтом крутился от схватившей его за горло бобыльей тоски: уважаем, денежен, не стар, но неисправимо одинок. И живет не в пустыне, а в городе, где косяками ходят свободные женщины. Стульчику стало стыдно за бельем поросшее насмешливое свое сочувствие одуревшему от душевной боли человеку, и он не к месту с матерщинной интонацией выдал в пространство строчку из бессмертного: «…С той же силой, в ту же боль!..».

Стульчик сидел в большой комнате своего дома. Электрического освещения не включал – ему хватало света от пыльных солнечных лучиков, внаглую сочившихся сквозь щели в рассохшихся ставнях. Пусть не стучат в окошко друзья-приятели, ничего нового он от них не услышит. Стульчик знает, что морда у него страшнее морды пьяного немецкого летчика, что он – Стульчик – дебил, раз выгоды не ищет и выгоды не имеет. Все правильно. Вот если бы Стульчик, хоть однажды, треснул стульчиком по голове какого-нибудь пьющего на его деньги остряка, то вмиг стал бы для друзей и красавцем, и личностью с тонкой нервной организацией. Но калечить людей Стульчик не умел и не хотел. А друзья пусть с этой поры шушукаются за спиной, походя поливая грязью другого хлебосольного простофилю, если найдут такого.

Стульчик решил, что завтра он не пойдет на работу. Не будет он больше строить эти долбанные дома. Не нужно ему это. Сколько можно. И так вертелся, как… в каждой бочке затычка. Стульчик решил, что не будет он больше варить себе похлебку. И уж ни за какие коврижки не станет запатентованным холостяком, который радует сам себя искусно приготовленными кулинарными вкусностями. Стульчик не повар. Стульчик запивал бражкой непознанную дружбу, добавлял, вспоминая как-то не так промелькнувших в его жизни женщин. Стульчик запивал какие-то там боль, тоску, унижение и позор одинокой жизни.

Перед глазами Стульчика галлюцинацией плавало издевательски смеющееся ему в лицо – лицо женщины. Стульчик убито думал, что оскорбленная его предложением жить вместе женщина сама бедолажит: он же видел ее попорченные никотином зубы, нездоровый цвет лица. Может, Стульчик нужен был ей не меньше, чем она ему. Завышенная, стало быть, самооценка? Или это он в ее глазах опустился ниже той самой канализации? Она не увидела, каким он может быть заботливым, ласковым, верным. Впрочем, Стульчику это уже все равно. Спиртное снимало стрессы, а плюнувший на умирающую последней НАДЕЖДУ Стульчик навалился грудью на стол, с гибельной иронией сознавая, что не дотянет вшивых трех месяцев до возраста Христа. Почему вшивых? Потому что мало. Почему Христа? Потому что молодой.

А по дому, почуяв беду, обеспокоено заметался похмельного вида, понурый, когда-то чертовски пушистый кот.

…В одной из городских квартир, за ужином, на кухне, мужчина средних лет, с проститель-ным патологоанатому цинизмом, сказал жене:

– Потрошил я сегодня очередного клиента. Не понимаю… Эластичные сосуды…Мускулатура…Внутренние органы…Сердце… Не понимаю… Ну не должно останавливаться такое сердце.

Серегин день

Теплый и ласковый дождь прошумел над лесом, смыл с листвы невидимые пылинки, пропитал влагой песчаные дорожки пионерского лагеря. Он так же неожиданно, как и появился, исчез, уступив место вынырнувшему из-за тучи солнышку.

До отбоя оставалось еще часа два, и предоставленные самим себе третьеотрядники, коротая его, занимались своими делами. Часть девочек сидела в деревянных креслах-качалках с книжками в руках, другие распевали туристские песни, незаметно поглядывая на выходки мальчишек. А мальчишки столпились у покрытой гравием площадки и смотрели на двух сошедших с ума приятелей.

Олег Трубочкин и Серега Иванихин притащили откуда-то толстое бревно и широкую длинную доску. Смастерив из этих предметов подобие качелей, мальчишки встали на них ногами и, вскрикивая от избытка чувств, стали поочередно подбрасывать друг друга вверх, стремясь с каждым прыжком взлететь как можно выше и, в свою очередь, как можно выше подбросить вверх партнера.

Эта игра была не вполне безопасной: доска норовила вильнуть в сторону по скользкой поверхности мокрого бревна. Но ребята отгоняли прочь мысли о благоразумии. А так как воспитатель и пионервожатый ушли в клуб на совет с коллегами, то никто не мог помешать двум дурачкам, готовым свернуть себе шеи под поощрительные возгласы товарищей и осторожными взглядами девочек. Хотя девчоночьи взгляды были Сереге и Олегу до лампочки.

Сухие и загорелые, похожие на бронзовых лягушат, они взмывали в начинающее темнеть небо. Они были красивы, эти раззадорившиеся лягушата. И, как лягушата же, они разлетелись в разные стороны и попадали, но не в воду, а на негостеприимную в данном случае землю. Не успев ничего понять, Серега растянулся на гравии, чувствуя, как больно впиваются в его обнаженную до плеча руку эти безобидные в общем-то камушки. Олегу повезло – он целехоньким поднялся с земли. Серега легко вскочил на ноги, тоже с улыбкой посмотрел на друга, но на его руку было больно смотреть. Запятнанная кровью, иного чувства она не могла вызвать. Но что там боль в руке, если Светлана, та самая Светлана, ради которой, может быть, Серега и затеял возню с качелями, та самая Светлана поглядела на него не с сочувствием, а так, как смотрят на испорченных людей. А на Серегину раненую руку она взглянула с обыкновенным равнодушным любопытством.

Настроение Сереги было испорченным. «Раз и навсегда»! Серега, по-прежнему улыбаясь, помог ребятам спрятать в укромное место ставшее для него дурацким бревно, сказал Олегу, что пойдет поищет бинт для перевязки, а сам пошел совсем в другое место, где он без помех мог порассуждать о жизни. Руководство лагеря считало это место опасностью номер один. В самом деле: поросший соснами и березами берег извилистой речушки был ничем иным как пятнадцатиметровым обрывом, нависшим над этой речушкой причудливой грудой открытых горных пород. Поэтому каждый день ребята из дежурного отряда вплоть до отбоя маячили у обрыва. А самое опасное место было обнесено канатом с красными флажками – не моги, раззявы, играть со смертью.

Но как бы ни следили ребята с повязками на руках за порядком у обрыва, Серегу Иванихина это «не трогало». Он мог, посмеиваясь, сидеть чуть ли не под ногами у дежурных и попыхивать самодельной трубкой. Серега не был курильщиком, но … положение обязывает… он набивал трубку сухими листьями и здесь, на выступе скалы, скрытом от обозрения сверху более громоздким выступом, с тоской Брет Гартовских героев дымил, поглядывая на змейку реки, и слушал ее однообразное шуршание по желто-бело-красно-неопределенным россыпям речной гальки. Сюда-то и пришел Серега, обидевшись на ту, ради которой он… В «дозволенном» месте Серега подошел к речке и обмыл пострадавшую руку. Бесшумно, по колено в воде, он прокрался под крутизну обрыва и оттуда по знакомым трещинам в камне добрался до облюбованной им площадки.

Серегу ничто не радовало, и спички кончились. Сереге было грустно, да и боль в руке … елки-палки…

Серега посмотрел по сторонам и стал строить страшные планы: вот он удерет из лагеря на самодельном плоту и утонет где-нибудь в водовороте… Пусть тогда некоторые попроливают по нему слезы. А пока непрошенные слезинки катились по его щекам. Но вот Серега стер слезы подолом своей футболки. Он услышал шорох под собой и чье-то учащенное дыхание. Сначала Серега увидел две пятерни, потом чью-то голову с каштановыми волосами, а потом перед ним в легком пуховом свитере предстала Майка Одинцова, его одноклассница и первая в школе красавица. Майка облизала пересохшие от тяжелого подъема губы и молча достала из кармана пузырек с йодом и бинт.

Майка Одинцова бинтовала Сереге руку. Она улыбалась ему. Этого было слишком много для бедного Сереги. Он вдруг увидел, что кисть его больной руки упирается в упругий шарик на Майкиной груди. Серега ужаснулся и резко отдернул руку. Девушка посмотрела на Серегу, улыбнулась и вернула кисть на прежнее место, и Серега понял, что это совсем не то, что так его напугало. А до того им с Майкой надо еще немного подрасти…

На вечерней линейке Серега получил очередной «втык» за самодеятельность с качелями.

В сопровождении ворчащей докторши он шел в медпункт, улыбался и думал: каким же дураком он был, когда злился на Майку за ее проповеди о вреде курения.